РАЗДЕЛ І. ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАРРАТИВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ИХ СУДЕБНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ Ч. 3 СТ. 55 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Умнова-Конюхова И. А.

Российский государственный университет правосудия 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дать характеристику конституционных нарративов ограничения прав и свобод человека — ценностей (целей), способов и принципов.

Процедура и методы. Использовались методы компаративистики, системного анализа, обобщения и моделирования.

Результаты. Обосновывается конституционная формализация пределов ограничения прав и свобод с помощью устоявшихся конституционных нарративов, в системном взаимодействии создающих универсальный конституционный алгоритм. Отмечается целесообразность систематизации конституционных ценностей (целей), обуславливающих пределы реализации прав и свобод, конституционного закрепления и судебного применения способов и принципов ограничения прав и свобод.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты могут быть использованы в научно-исследовательских целях, а также законодателем и правоприменителем.

Ключевые слова: права и свободы, ограничения, конституционные нарративы, конституционные ценности, способы ограничения, конституционные принципы, судебное применение

CONSTITUTIONAL NARRATIVES OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS RESTRICTIONS, AND THEIR JUDICIAL APPLICATION IN ORDER TO IMPLEMENT PART 3 OF ARTICLE 55 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. Umnova-Koniukhova

Russian State University of Justice 69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation

© СС ВУ Умнова-Конюхова И. А., 2020.

Abstract

Aim. To characterize the constitutional narratives of restriction of human rights and freedoms – values (goals), methods and principles.

Methodology. Methods of comparative analysis, system analysis, generalization, and modeling were used in the study.

Results. The constitutional formalization of the restriction limits of rights and freedoms is justified using well-established constitutional narratives that create a universal constitutional algorithm in the system interaction. The article notes the expediency of constitutional values (goals) systematization that determines the limits of the rights and freedoms realization, constitutional regulation and judicial application of methods and principles of rights and freedoms restriction.

Research implications. The results of this research can be used for research purposes and in the law enforcement practice. Besides, they can be useful for the legislators.

Keywords: rights and freedoms, restrictions, the constitutional narratives, constitutional values, methods of restrictions, the constitutional principles, judicial application

Введение

В быстро меняющемся глобализированном мире возникает потребность рассмотрения как традиционных, так и новых подходов в создании конституционных парадигм защиты одной из высших конституционных ценностей – прав и свобод человека. Данная ценность между тем не является абсолютной и реализуется в системной взаимосвязи с другими конституционными ценностями (целями), конкурирующими между собой и выступающими в определённой мере ограничителями прав и свобод.

Современной конституционной практикой государств постепенно был создан универсальный алгоритм конституционных требований и критериев ограничения прав и свобод. Речь идёт о систематизации ценностей (целей), для защиты которых могут быть ограничены права и свободы, способов обозначения пределов реализации прав и свобод, а также конституционных принципов как требований и критериев конституционности ограничений. Рассматриваемые в единстве конституционные ценности (цели), способы и принципы ограничения как устоявшиеся конституционные нарративы обеспечивают конституционную формализацию пределов ограничения прав и свобод человека в современном правовом пространстве. Данный конституционный алгоритм активно и довольно успешно применяется международными и национальными судами [11, с. 324].

Первые два вида ограничений - конституционные ценности (цели) и способы ограничений - выступают общими конституционными нарративами, они склонны к универсализации и определённой устойчивости. Третья группа принципы ограничений - формирует таксономическую цепочку общих доктринальных требований и инструментальных критериев ограничения прав и свобод, развитие которых пока ещё представляет собой непрерывный эволютивный процесс, и их содержание трактуется не только с общих универсальных позиций, но и с т. зр. правовых культур и национальной идентичности государств.

Многие российские учёные и практики акцентируют внимание на значимости конституционных ценностей как системы общих векторных регуляторов и на важности их учёта не только в правовом регулировании, но и в правоприменительной практике [1; 3; 6; 7].

Аксиология ограничений пронизывает как международно-правовое пространство, так и конституции большинства государств. На основе систематизации конституционно значимых ценностей можно выделить способы ограничения прав и свобод как содержащие общие оговорки (генеральные клаузулы), так и определяющие конкретные ограничения определённых видов прав и свобод. Аксиология ограничений прав и свобод служит доктринальной основой пределов их реализации. Более сложное структурно-функциональное ствие присуще принципам ограничений прав и свобод. Выстраиваемая таксономия ограничений обозначает не только доктринальные принципы-требования, но и предлагает инструментальные, служебно-вспомогательные принципы как критерии ограничения прав и свобод.

Конституционные ценности и способы ограничений прав и свобод как общие конституционные нарративы

Российской Федерации щаемыми ценностями в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ обозначены: основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасность государства. Аналогичные нормы можно обнаружить в конституциях других стран. В некоторых странах постсоветского пространства перечень данных ценностей полностью совпадает с российским конституционным нарративом (например, Республика Казахстан, Кыргызская Республика). Среди конституционных ценностей таким же образом защищаются и другие, например, «честь и доброе имя других лиц» по Конституции Армении, «демократическое устройство государства» и «благосостояние» по Конституции Латвии, «окружающая среда» по Конституции Польши.

Наибольшее совпадение у государств наблюдается в перечислении в их конституциях таких ценностей как безопасность (национальная, государственная, общественная), права и свободы других лиц, нравственность, здоровье, благосостояние. Совпадение не случайно, т. к. эти ценности как доктринальные требования к ограничению определены международным правом ООН.

Согласно ст. 29 (ч. 2) Всеобщей декларации прав человека¹, при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. в целом ряде статей определяет, что пользование предусмотренными в Пакте правами сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Способы конституционных ограничений прав и свобод в самом общем виде могут быть разграничены на 2 вида:

1. Общие оговорки (генеральные клаузулы), когда ограничения связаны с защитой всех прав и свобод, на основе единых требований-ценностей по ана-

¹ Всеобщая декларация прав человека // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 06.10.20).

логии со ст. 55, ч. 3 Конституции РФ. Например, Конституция Республики Польши в п. 3 ст. 31 определяет, что ограничения конституционных свобод и прав могут быть установлены только в законе и только тогда, когда они необходимы в демократическом государстве для его безопасности или публичного порядка либо для охраны окружающей среды, здоровья и публичной морали или же свобод и прав других лиц.

Примером общей клаузулы являются также положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. По своему смыслу этот конституционный нарратив совпадает с нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о возможности ограничения прав и свобод человека федеральным законом, когда они затрагивают «права и законные интересы других лиц».

2. Конкретные ограничения, относящиеся к определённым правам и свободам. Например, ст. 13 Конституции РФ регулирует право на объединение (запрет создания и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни). Конкретное ограничение содержится также в ст. 29 Конституции РФ, которая, гарантируя свободу мысли и слова, устанавливает запреты пропаганды или агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Подобные конкретные ограничения содержатся и в конституциях других государств.

Подавляющее большинство конституций предусматривает ограничение прав и свобод, которые могут помешать установлению порядка при чрезвычайных обстоятельствах или военном положении. Такие действия носят временный характер.

Можно обозначить 4 основные группы государств, отличающихся по степени конкретизации условий ограничения прав и свобод:

- 1. Ограничения основных прав и свобод в конституциях не рассмотрены. К примеру, в Латвии, действующая Конституция которой отличается лаконичностью, вопросы ограничений прав и свобод регулируются обычным законом. В ст. 16 Закона Латвии о чрезвычайном положении говорится, что меры, принятые в период чрезвычайного положения, должны соответствовать международным соглашениям и актам в области защиты прав человека, которые были подписаны Республикой Латвией.
- 2. Сформулированы только принципы ограничений и сделана ссылка на закон как форму установления таких ограничений. К примеру, согласно ст. 71 Конституции Азербайджана при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации осуществление прав и свобод человека и гражданина может быть частично и временно ограничено с учётом международных обязательств Азербайджанской Республики. О правах и свободах, осуществление которых ограничено, заблаговременно объявляется нию. Ст. 10 Конституции Кыргызской Республики устанавливает, что чрезвычайное и военное положения могут быть введены только в случаях и в порядке,

предусмотренных Конституцией и конституционным законом.

- 3. Установлены общие принципы, которые конкретизированы в отдельных статьях, закрепляющих определённые права и свободы. В частности, в Конституции ФРГ содержится фундаментальный принцип, являющийся философским основанием верховенства права принцип человеческого достоинства. В Германии даже в случае введения особого положения этот принцип, закреплённый в ст. 1 Основного Закона, неприкосновенен.
- 4. Обозначен конкретный перечень прав, который может или, наоборот, не может быть ограничен. Среди основных прав, которые гарантируются при любых режимах, конституции государств выделяют: право на жизнь, на достоинство и гуманное обращение, неприкосновенность личной жизни, на свободу совести, мысли и вероисповедания, на презумпцию невиновности, право на защиту своих прав судом и некоторые другие.

Права, которые не могут быть ограничены, именуются, как известно, в теории конституционного права абсолютными. В Российской Федерации этот перечень по Конституции РФ применительно к чрезвычайному положению довольно обширен (ч. 3 ст. 56) и связан с защитой достоинства, свободы и неприкосновенности личности, доступного и справедливого правосудия, что согласуется с практикой демократических государств и международно-правовыми стандартами ООН и Совета Европы.

Конституционные принципы ограничения прав и свобод человека: общие и частные аспекты таксономии

Анализ общих конституционных нарративов ограничения прав и свобод

человека позволяет выделить их таксономическую основу – систему базисных принципов, определяющих общие правила-требования и конкретные критерии проводимых ограничений.

В настоящее время и отечественные, и зарубежные исследователи обращают особое внимание на значимость принципов права при ограничении прав и свобод человека. В частности, швейцарский учёный К. Экштайн выделяет 3 основных условия-принципа ограничения прав человека: необходимость, пригодность, соразмерность [14]. А. Шайо подчёркивает, ОТР ограничительные меры применимы, если они не запрещают правомерного осуществления основных прав, и если конкретная ограничительная мера в наименьшей степени ущемляет основные права [13].

В современной отечественной литературе отмечается, что принципы, закреплённые в Конституции РФ, имеют отличные от норм конституционного права черты общих регуляторов [2; 10]. Однако степень обобщения и обусловленность целью регулирования у конституционных принципов различны. Большинством исследователей предпринимается попытка выделить принципы ограничения прав и свобод с их привязкой к конкретным конституционным ценностям и условиям ограничения. В частности, В. С. Устинов выделяет 3 таких критерия-принципа: цель, законность ограничений, необходимость [12].

Принципы права, формулирующие критерии ограничения прав и свобод, можно было бы подразделить на 2 основные группы:

- 1. принципы, конкурирующие с ограничениями прав и свобод с целью достижения правомерности;
- 2. принципы, обеспечивающие объективность ограничений.

К І группе относятся такие доктринальные принципы-требования достоинство, свобода, равноправие, равенство всех перед законом и судом, недискриминация, уважение прав человека, гарантированность прав и свобод, конституционность, законность, судебная защита прав и свобод и т. д. В результате конкуренции выявляется степень правомерности, в т. ч. конституционности и законности ограничений прав и свобод в условиях действия рассматриваемых принципов, что выявляется благодаря практике судов, основанной на применении данных принципов.

Среди доктринальных принципов І группы, наиболее часто применяемыми в российской судебной практике, следует назвать принципы равноправия, равенства всех перед законом и судом, юридического равенства сторон. Суть конкуренции состоит в обосновании возможности ограничения данных принципов, если они отрицают или умаляют общепризнанные права и свободы и, наоборот, в необходимости следования доктринальным принципам-требованиям при оценке конституционности ограничения правового положения человека. В частности, в Постановлении КС РФ № 4-П¹ подчёркивается, что свобода договора и юридическое равенство сторон не должны приводить к отрицанию или умалению общепризнанных прав и свобод человека, данные принципы не являются абсолютными и могут быть ограничены, но сама возможность ограничений и их характер должны определяться на основе Конституции РФ. Наиболее часто встречаются решения Конституционного Суда РФ, которые защищая принцип равноправия или равенства, признают неконституционными ограничения прав и свобод.

Другой часто применяемый приндостоинство человека степенно становится универсальным конституционным критерием оценки конституционности ограничений прав и свобод в международной и национальной практике правосудия. Общность подхода состоит в том, что в случае обнаружения нарушения или ущемления достоинства человека, любые ограничения прав и свобод признаются неприемлемыми с правовой точки зрения. Конституционный Суд РФ в своих решениях значительно часто прибегает к использованию такой позиции как в случаях выявления конкретных ограничений прав и свобод, так и при оценке общего состояния реализации конституционных правомочий. В частности, в Постановлении № 4-П от 3.05.1995 Конституционный Суд РФ особо подчеркнул, что никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также связанных с ним прав. В постановлениях № 4-П от 2.02.1996 и № 12-П от 16.05.1996 Конституционный Суд отметил, что ограничение доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности.

Ко *II группе* принципов, обеспечивающих объективность ограничений прав и свобод, можно отнести: *справедливость* (социальная справедливость), пропорциональность, разумность, рациональность, необходимость и др. Одни принципы этой группы носят

Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 15. Ст. 1416.

доктринальный (например, справедливость) характер, другие инструментально-методологический (разумность, рациональность, необходимость), третьи имеют смешанную природу (пропорциональность), но все они служат критериальным средством, инструментом познания и оценки объективности ограничения того или иного правила.

Среди принципов ІІ группы универсальное значение в конституционной практике государств приобрёл принцип справедливости. Данный принцип широко применяется в международном и национальном правосудии, в т. ч. в практике Конституционного Суда РФ. Несколько сотен его определений и постановлений содержат прямые ссылки на принцип справедливости. Причём зачастую Суд использует формулу «конституционный принцип справедливости» и в этом контексте ссылается не только на преамбулу Конституции РФ, но и на конституционно значимые цели, обозначенные в ч. 3 ст. 55 Конституции Критериями справедливости у Конституционного Суда РФ выступают такие показатели, как «(объективная) необходимость», «социальная оправданность», «отсутствие чрезмерности», «социальная адекватность ограничений» и т. п. (например, Постановление КС РФ № 14-П от 22.06.2010).

Важным инструментальным средством ограничения вмешательства в права и свободы человека являются принцип пропорциональности, состоящий из 3-х основных требований – соразмерности, сбалансированности и адекватности. Данный принцип направлен на определение степени вмешательства и способствует достижению соразмерности и адекватности ограничений, баланса между публичными и

частными интересами, между интересами человека, государства и общества,

В современной зарубежной литературе отмечается 3 варианта понимапринципа пропорциональности [15]. Первый вариант, по мнению Анн Петерс, подразумевает связь между действием (нарушением норм международного права) со стороны государства и допустимой реакцией другого государства. Второй вариант касается взаимосвязи между национальными общественными интересами и особыми интересами отдельных лиц внутри государств. Третья трактовка относится к связи между глобальным общественным интересом и конкретными интересами государств.

Эти подходы в целом присущи государствам в тех конституционных нарративах, которые посвящены ограничению прав и свобод. В то же время необходимо понимать, что высокая активность сегодня органов конституционного правосудия в применении и толковании принципа пропорциональности свидетельствует о продолжающемся процессе формулирования содержания и пределов действия данного принципа.

Применительно практике К Российской Федерации интегральная формула пропорциональности ограничения конституционных прав и свобод была обозначена Конституционным Судом РФ следующим образом: такие ограничения возможны лишь 1) в определённых Конституцией РФ целях; 2) в установленном федеральным законом порядке; 3) на основе критериев разумности и соразмерности; 4) публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если эти ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей¹.

Наряду с соразмерностью и сбалансированностью, важным критерием пропорциональности является принцип адекватности, т. е. сохранения существа и реального содержания права. Любое ограничение не должно нарушать сущность прав и свобод, умаление или снижение порога реализации права или свободы не должно приводить к их ликвидации. Предупреждая угрозу выхолащивания прав и свобод законодательными ограничениями, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений постарался выстроить конституционно-правовую защиту на основе обеспечения баланса публичных и частных интересов (например, постановления от 21.11.2002 № 15-П, от 8.12.2009 № 19-П, определения от 18.12.2002 и от 23.06.2009). Так, в определениях от 18.12.2002 и от 23.06.2009 Конституционный Суд РФ указал, что государство, регулируя отношения службы в органах внутренних дел, может устанавливать в данной сфере особые правила, что само по себе не противоречит Конституции РФ и согласуется с п. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 1958 г. относительно дискриминации в области труда, согласно которому различия, исключения или предпочтения в области труда, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определённой работой, не считаются дискриминацией. Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной

службы, она направлена на реализацию публичных интересов и выполнение конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности.

Общие подходы и различия в применении Конституционным Судом РФ, судами общей юрисдикции и ЕСПЧ принципов ограничения прав и свобод

Оценивая сложившиеся в настоящее время подходы Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ в критериальной оценке ограничений прав и свобод на основе принципов права можно констатировать в целом значительное совпадение в правовых позициях. Вместе с тем по определённым вопросам объективно просматриваются различия, связанные с особенностями российской правовой культуры, правопонимания общественной нравственности и национальной идентичности.

В частности, оживлённую научную дискуссию вызвал вопрос о соответствии принципу равенства прав и свобод мужчин и женщин положения об отсутствии у военнослужащихмужчин права на предоставление отпуска по уходу за ребёнком [4; 9]. В Определении от 15.01.2009 № 187-О-О² Конституционный Суд РФ установил, что предоставление права на отпуск по уходу за ребёнком в порядке исключе-

Том.: Постановления Конституционного Суда РФ: от 15.07.1999 № 11-П; от 22.11.2000 № 14-П, от 27.04.2001 № 7-П; от 25.10.2001 № 14-П; от 30.10.2003 № 15-П; от 22.03.2005 № 4-П; от 16.06.2009 № 9-П; от 22.03.2018 № 12-П/2018 п. 2, абз. 1 и др.

Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", статей 10 и 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей».

ния только военнослужащим женского пола не может расцениваться как нарушение принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, а также равноправия мужчин и женщин, что обусловлено необходимостью обеспечения национальной безопасности. Иную правовую позицию, как известно, высказал ЕСПЧ в решении от 7.10.2010 по делу «Константин Маркин против России», жалоба № 30078/06. Согласно его позиции, непредставление военнослужащим мужского пола права на отпуск по уходу за ребёнком при наличии такого права у военнослужащих женского пола разумно не обосновано и налицо факт нарушения ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции (дискриминация при осуществлении их права на уважение семейной и личной жизни). Несмотря не неприятие Конституционным Судом РФ правовой позиции ЕСПЧ и внесение ясности по поводу приоритета решений высшего органа конституционного правосудия России, в соответствующий федеральный закон были внесены поправки, устраняющие дискриминацию в правах отцов-военнослужащих.

Расхождения во взглядах на понимание принципа равноправия обнаруживается и при оценке прав сексуальных меньшинств (публичные акции сексуальных меньшинств, признание однополых браков, разрешение однополым парам усыновлять детей и др.), что объяснимо. В отличие от западной концепции индивидуализма при оценке содержания принципа равноправия, в Российской Федерации сильны традиции признания приоритета коллектив-

ных ценностей, которые выражаются в необходимости защиты основ конституционного строя, нравственности, безопасности, обеспечения обороны страны и др. В юридической литературе обоснованно отмечается, что в долговременной перспективе важно выйти на баланс между личными и общественными интересами (частными и публичными), не абсолютизировать индивидуализм и частные права в ущерб коллективных прав [5; 8]. Для России этот баланс отражает исторически сложившуюся особенность национальной идентичности. В этом отношении показательным является несогласие России с Постановлением ЕСПЧ по делу «Алексеев против Российской Федерации»². ЕСПЧ пришёл к выводу, что запрет мероприятий, организованных заявителем, не отвечал острой социальной потребности и, следовательно, не являлся необходимым в демократическом обществе. Соответственно, по мнению ЕСПЧ, в данном случае имело место нарушение ст. 11 Европейской Конвенции (право на свободу мирных собраний), и в отношении заявителя имела место дискриминация по признаку сексуальной ориентации его и других участников мероприятий (нарушение ст.ст. 13 и 14 Конвенции). ЕСПЧ, к сожалению, не принял во внимание позицию российской стороны, выраженную в т. ч. в решениях судов общей юрисдикции, согласно которой разрешение проведения гей-парадов и других публичных мероприятий сексуальных меньшинств противоречит конституционным ценностям защиты здоровья и нормам морали, правам и свободам других лиц, создаёт угрозу общественной

Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СПС Консультант Плюс.

² Постановлением ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Алексеев против Российской Федерации» (Жалобы № 4916/07, 25924/08 и 14599/09) // СПС Консультант Плюс.

безопасности. Важно отметить, что аргументация российской стороны основывалась также на правовых позициях самого ЕСПЧ, который в своих решениях утверждал, что п. 2 ст. 11 Конвенции предусматривает широкий предел усмотрения, в рамках которого компетентные власти должны иметь возможность выбора мер, необходимых для поддержания общественного порядка (решения по делам «Баранкевич против Российской Федерации» от 26.07.2007 и «Движение "Врачи за жизнь" против Австрии»). ЕСПЧ также высказывал позицию о том, что национальные власти лучше информированы относительно того, что может оскорбить чувства верующих в соответствующем обществе (Постановление ЕСПЧ от 22.10.1981 по делу «Даджион против Соединённого Королевства»).

В условиях глобализации угроз и вызовов безопасности, жизни, здоровью и нравственности Россия последовательно формирует системы запретов и ограничений, и в соответствии с принципами пропорциональности и справедливости расставляет приоритеты в защите конституционных ценностей.

Обозначенные противоречия между решениями Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека не являются единичными случаями. Позиция ЕСПЧ в вопросах ограничения прав человека оказывается намного либеральнее, но вступает в противоречие с традиционными конституционными ценностями Российского государства, а также конституционными целями обеспечения основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности Российской Федерации.

Можно отметить различие подходов в оценке соотношения публич-

ных и частных интересов в решениях Конституционного Суда РФ и в решениях конституционных судов ряда европейских стран, основывающих конституционное правосудие на подходах, выработанных Судом ЕС и ЕСПЧ. В то же время трудно отрицать, что в своей практике Конституционный Суд РФ постепенно сближается с теми представлениями о пределах возможных ограничений основных прав и свобод, которые сложились в европейском конституционном праве, во многом благодаря деятельности ЕСПЧ, опираясь на пропорциональность как необходимость реализации демократических устоев ограничений прав и свобод.

Заключение

Фундаментальная значимость прав и свобод предопределила необходимость конституционной формализации пределов ограничения прав и свобод с помощью устоявшихся конституционных нарративов, в системном взаимодействии создающих в определённой мере универсальный конституционный алгоритм. Рассмотренный конституционный алгоритм ограничений складывается, как минимум, из 3-х базисных конституционных нарративов:

- 1. ценности и цели (в определённой мере они совпадают);
- 2. способы ограничения прав и свобод;
- 3. принципы ограничения прав и свобод.

Международно-правовое и конституционное пространства базируются сегодня на значительно совпадающей системе конституционных ценностей (целей), обуславливающих пределы реализации прав и свобод. Общие оговорки (генеральные клаузулы) и конкретные ограничения, относящиеся к определён-

ным правам и свободам, как 2 основных способа ограничений системно взаимодействуют с принципами ограничений прав и свобод, таксономическая основа которых продолжает развиваться. Вместе с тем можно констатировать, что в настоящее время сформировались устойчивые группы принципов ограничения прав и свобод, дифференцируемые как принципы, конкурирующие с ограничениями прав и свобод с целью достижения правомерности, и принципы, обеспечивающие объективность ограничений.

Среди принципов ограничения прав и свобод с учётом частоты их судебного

применения особо выделяются принципы равноправия (равенства), достоинства, справедливости и пропорциональности. Признавая важность достижения единых подходов Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и ЕСПЧ в критериальной оценке ограничений прав и свобод, целесообразно подчеркнуть необходимость учёта российской правовой культуры, требований нравственности и национальной идентичности, предопределённые смыслом принципов и норм действующей Конституции РФ.

Статья поступила в редакцию 16.10.2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.
- 2. Алешкова И. А. Соотношение принципов и норм конституционного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 2 (170). С. 19–24.
- 3. Бондарь Н. С. Конституционные ценности категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.
- 4. Зайков Д. Е. Современные проблемы реализации принципа равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы // Право в Вооружённых Силах. 2007. № 1. С. 21–24.
- 5. Национальная идея России: в 6 тт. Т. VI / под ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. 992 с.
- 6. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11. С. 106–121.
- 7. Певцова Н. С. Конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 66–69.
- 8. Скуратов Ю. И. Проблемы конституционной реформы в Российской Федерации и евразийский конституционализм // Современное право. 2020. № 6. С. 5–31.
- 9. Стренина Е. А. Возможно ли предоставление военнослужащему мужского пола отпуска по уходу за ребёнком // Право в Вооружённых Силах. 2006. № 7. С. 12–18.
- 10. Умнова-Конюхова И. А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: Актуальные вопросы теории и судебной практики. М.: РГУП, 2019. $256\,c$
- 11. Умнова-Конюхова И. А. Национальное правосудие и международное правосудия: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека). М.: РГУП, 2020. 324 с.
- 12. Устинов В. С. Основания и критерии ограничения прав и свобод личности в законодательстве и теории // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: сб. трудов. Ч. 1. Н. Новгород, 1998. С. 99–107.

- 13. Шайо А. Самозащита конституционного государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 2 (47). С. 1–10.
- 14. Экштайн К. Основные права и свободы: уч. пос. М.: NOTA BENE, 2003. 494 с.
- 15. Peters A. Proportionality as a global constitutional principle // MPIL Research Paper Series. 2016. № 10. P. 3–38.

REFERENCES

- 1. Avakyan S. A. [Modernization of public-political relations and constitutional reformation: problems and prospects]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 9, pp. 3–6.
- 2. Aleshkova I. A. [Correlation of principles and norms of constitutional law]. In: *Agrarnoe i ze-melnoe pravo* [Agrarian and land law], 2019, no. 2 (170), pp. 19–24.
- 3. Bondar N. S. [Constitutional values category of applicable law (in the context of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2009, no. 6, pp. 1–11.
- 4. Zaikov D. E. [Modern problems of implementing the principle of men and women equality during military service]. In: *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [Law in the Armed Forces], 2007, no. 1, pp. 21–24.
- 5. Sulakshin S. S., ed. *Natsionalnaya ideya Rossii T. VI* [The national idea of Russia. Vol. VI]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012. 992 p.
- 6. Nevinsky V. V. [The essence and universalization of constitutional values in modern society]. In: *Lex Russica*, 2018, no. 11, pp. 106–121.
- 7. Pevtsova N. S. [Constitutional values]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 1, pp. 66–69.
- 8. Skuratov Yu. I. [Problems of constitutional reform in the Russian Federation and Eurasian constitutionalism]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2020, no. 6, pp. 5–31.
- 9. Strenina E. A. [Is it possible to provide a male soldier with parental leave]. In: *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [Law in the Armed Forces], 2006, no. 7, pp. 12–18.
- 10. Umnova-Konyukhova I. A. *Obshchie printsipy prava v konstitutsionnom prave i mezhdunarod-nom prave: Aktualnye voprosy teorii i sudebnoi praktiki* [General principles of law in constitutional law and international law: Topical issues of theory and judicial practice]. Moscow, RGUP Publ., 2019. 256 p.
- 11. Umnova-Konyukhova I. A. *Natsionalnoe pravosudie i mezhdunarodnoe pravosudiya: teoriya i praktika vzaimodeistviya v publichno-pravovykh otnosheniyakh (printsipy gosudarstvennosti i prav cheloveka)* [National justice and international justice: theory and practice of interaction in public law relations (principles of statehood and human rights)]. Moscow, RGUP Publ., 2020. 324 p.
- 12. Ustinov V. S. [Grounds and criteria for limiting the rights and freedoms of the individual in legislation and theory]. In: *Teoriya i praktika ogranicheniya prav cheloveka po rossiiskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu. Ch. 1* [Theory and practice of limiting human rights under Russian legislation and international law. P. 1]. N.Novgorod, 1998, pp. 99–107.
- 13. Shaio A. [Self-defense of the constitutional state]. In: *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2004, no. 2 (47), pp. 1–10.
- 14. Ekshtain K. *Osnovnye prava i svobody* [Basic rights and freedoms]. Moscow, NOTA BENE Publ., 2003. 494 p.
- 15. Peters A. Proportionality as a global constitutional principle. In: *MPIL Research Paper Series*, 2016, no. 10, pp. 3–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, руководитель научного направления конституционноправовых исследований Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия; ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН;

e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Umnova-Koniukhova – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional Law, Head of Scientific School for Constitutional-legal Studies, Center for Justice, Russian State University of Justice, Leading Researcher, Department of Legal Studies INION RAS; e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Умнова-Конюхова И. А. Конституционные нарративы ограничения прав и свобод человека и их судебное применение в целях реализации ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 4. С. 10–22.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22

FOR CITATION

Umnova-Koniukhova I. A. Constitutional narratives of human rights and freedoms restrictions, and their judicial application in order to implement Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 4, pp. 10–22.

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22